

Политическая мобилизация или политическая модернизация?

Государственная культурная политика и использование гендерного ресурса государственной политики и управления

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-8-16

Востряков Лев Евгеньевич

Санкт-Петербургский институт культуры
Профессор кафедры социально-культурной деятельности
Доктор политических наук
lev-vostriakov@yandex.ru

Кашина Марина Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий
Кандидат философских наук, доцент
Kashina_soc@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Авторами рассматривается практика использования гендерного ресурса в процессах политической модернизации и политической мобилизации в России. Проводится сравнительный анализ данных процессов с точки зрения их бенефициаров. Доказано, что кейс «Светы из Иваново» выступает примером успешной консервативной мобилизации гендерного ресурса с помощью интернет-технологий.

Обосновывается значение государственной культурной политики в формировании современных гендерных отношений. Показано, что отечественная государственная культурная политика последних лет направлена в большей степени на консервативную политическую мобилизацию, что снижает эффективность использования гендерного ресурса в государственном управлении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гендерный ресурс, государственная культурная политика, политическая мобилизация, политическая модернизация

Vostriakov L. E., Kashina M. A.

Political Mobilization or Political Modernization? State Cultural Policy and Use of a Gender Resource of State Policy and Management

Vostriakov Lev Evgenievich

Saint-Petersburg State University of Culture (Russian Federation)
Professor of Department of Socio-Cultural Activity
Doctor of Science (Political Science)
lev-vostriakov@yandex.ru

Kashina Marina Aleksandrovna

North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Public Relations and Social Technologies
PhD in Philosophy, Associate Professor
Kashina_soc@inbox.ru

ABSTRACT

The authors consider the usage of gender resource in the processes of political modernization and political mobilization in Russia. They conduct a comparative analysis of these processes from the

point of view of their beneficiaries. The authors prove that the story of «Sveta from Ivanovo» is a good example of successful mobilization of conservative gender resource using web-technologies.

It is argued the importance of the state cultural policy in the formation of modern gender relations and the authors show that modern Russian state cultural policy is aimed mostly at the conservative political mobilization. This reduces the efficiency of the use of gender resource in public administration

KEYWORDS

gender resource, the state cultural policy, political mobilization, political modernization

Тема политической модернизации, в частности, перехода к современным формам политической организации, то крайне актуализируется, то откатывается на периферию исследовательского интереса. Обусловлено это не столько объективными причинами и логикой научного поиска, сколько политической конъюнктурой и динамикой политических процессов, в которой периоды «разрядки» сменяются периодами «напряжения», когда на первый план выходит задача «собирать камни», чтобы мобилизовать общество в условиях усложнения внутри- и внешнеполитической ситуации. Намного более принципиален вопрос о бенефициарах политической модернизации политической мобилизации. Если в первом случае в качестве такового выступает общество в целом, поскольку модернизация идет путем развития политических институтов и структур, то во втором — выгодоприобретателями становятся субъекты политической мобилизации, использующие политическую энергию масс в интересах консервации политических институтов и защиты частных интересов, особенно в случае авторитарной мобилизации.

Выступая одним из социальных ресурсов государственного управления, гендерный ресурс, вовлекается в процессы мобилизации и/или модернизации различными способами, но центральным выступает продвижение или критика различных образцов гендерных отношений. Подобные стимулирующие или репрессивные меры осуществляются в первую очередь посредством государственной культурной политики¹. В настоящей статье авторы проверяют гипотезу о том, что отечественная государственная культурная политика последних лет в большей степени направлена не на модернизацию общественных отношений, а на консервативную политическую мобилизацию, что снижает эффективность использования гендерного ресурса в государственном управлении.

Гендерные отношения обретают политический характер в ходе противопоставления приватной и публичной сфер общества, артикуляции групповых интересов мужчин и женщин, и научной рефлексии противоположности этих интересов феминистской теорией. В результате женщины получают статус политического субъекта. В то же время они продолжают оставаться объектом государственной политики и управления, поскольку выполняют ключевую для существования общества функцию биологического воспроизводства населения, рождения и воспитания детей. Мужчины, изначально занимая в публичной сфере доминирующее положение, являются субъектами политики по определению, могут выступать объектом государственной

¹Исходя из теории социального конструирования гендера, предполагающей, что гендер, выступая социальной надстройкой над биологическим полом, может сильно варьировать в зависимости от социально-культурных особенностей конкретного общества, авторы рассматривают культурную политику в качестве важного инструмента управления гендерными отношениями.

политики, но вне связи с задачами воспроизводства населения, например, как военный ресурс.

Различия ролей мужчин и женщин в обществе институализируются системой гендерных норм, представлений и стереотипов, формирующей неравенство в доступе и обладании различными ресурсами, активами и капиталами для женщин и мужчин. Таким образом, государственная политика и управление получают ресурс, связанный с использованием в государственных целях гендерно сконструированных возможностей женщин и мужчин. Исходя из этого, мы определяем гендерный ресурс как возможность задействовать способность населения: (а) к репродукции и воспроизводству человеческих ресурсов (демографическая компонента) и (б) к общественно-политической и экономической активности, которая институализируется гендерной системой, гендерными нормами и ролями (социокультурная компонента). Данный ресурс формируется и применяется в государственной политике и управлении на социетальном и институциональном уровнях (подробнее см.: [4]).

Главной политической предпосылкой актуализации использования гендерного ресурса в государственной политике выступает модернизация политической системы, которая предусматривает дифференциацию и усложнение политических институтов, расширение числа политических акторов, включение в политическую жизнь ранее дискриминированных с точки зрения возможности выражать свои интересы социальных групп. Критерием успешности модернизации выступает повышение адаптивности и резистентности политической системы, ее возможности отвечать на вызовы внешней среды. Именно это соответствие требованиям времени и делает политическую систему современной. При этом в каждой стране политическая модернизация, т. е. адаптация политической системы и политических институтов к требованиям современности осуществляется по-своему — как с учетом историко-культурных, национальных особенностей, так и отвергая их, заимствуя «чужие» образцы. Движущей силой модернизации везде выступает необходимость разрешения противоречия между универсальным рационализмом, лежащим в основе всех современных обществ, и национальным традиционализмом, вырастающим из обычаев, ценностей, исторического опыта каждой отдельно взятой страны. Это определяет национальную модель модернизации, однако не отрицает саму идею перехода к современным политическим институтам.

Вопрос о характере модернизации в нашей стране до сих пор является дискуссионным. Еще пять лет назад О. Ф. Шабров отмечал, что «руководством страны не был сформулирован «даже предварительный проект модернизации». Хотя сомнений в необходимости модернизации в то время не возникало, представления «о путях и содержании»: «консервативная или либеральная, полная или частичная, сначала политическая или экономическая» — серьезно конфронтировали. В первую очередь, как указывал президент отечественной Академии политической науки, существовал и существует конфликт между западничеством и почвенничеством (славянофильством), между демократией западного образца, опирающейся на индивидуализм, и российским менталитетом, в основе которого — чувственное мирозерцание, общинность и коммунальность [8].

Опыт Японии — страны, высоко ставящей коллективистские ценности, — свидетельствует, что модернизация на «общинной» основе вполне осуществима. С нашей точки зрения, для российской модернизации большим препятствием выступает не «загадочная русская душа», не желающая быть рациональной, а противоречивость российской системы ценностей как таковой. Она уже не является традиционной в силу осуществленной советской властью экономической модернизации, но она не может принять и так называемые «общечеловеческие ценности» общества массового потребления, потому что в стране не была проведена модернизация других сфер

жизни общества, в первую очередь — политической. Реальное гражданское общество в условиях однопартийной системы и авторитарной власти появиться не могло. Откуда в условиях плановой экономики, порождающей «равенство в бедности», было взяться среднему классу, выступающему базой реальной демократии и модернизационных процессов?

Более того, сегодня в условиях сложной экономической и международной ситуации модернизационный проект явно замещается в нашей стране мобилизационным, усиливающим тренды централизации и концентрации власти. А это противоречит практике развития местного самоуправления и субсидиарности, демократизации политической системы. Наконец, неоднозначна роль российских политических элит, которые, по оценке А. И. Соловьева, изобретают «все более изощренные схемы перераспределения общественных благ в пользу высших слоев общества, а «социально ориентированная» политика государства сохраняет устойчивую тенденцию на увеличение бедности в стране, распространение алкоголизма и суицидальных настроений, резкое снижение численности среднего класса» [7, с. 103].

Политическая мобилизация как средство вовлечения широких масс в политические процессы, в отличие от политической модернизации, может быть разнонаправленной. На одном полюсе — соревновательность, что предполагает усиление конкуренции внутри политической системы между достаточно дифференцированными и автономными политическими партиями и институтами. На другом — авторитарность, где целью выступает обеспечение лояльности населения правящему режиму путем использования пропаганды; политические институты в этом случае неавтономны и недифференцированы. С определенной долей условности можно сказать, что политическая мобилизация первого типа характерна для стран, закончивших модернизацию, а второго типа — для государств, находящихся в состоянии транзита.

Чтобы оценить характер политической мобилизации в нашей стране, обратимся к Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. В этом важном документе подчеркивается, что «для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры реализуются государственная культурная политика и государственная национальная политика, которые направлены на укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости». К традиционным российским духовно-нравственным ценностям Стратегия относит «приоритет духовного над материальным, защиту человеческой жизни, прав и свобод человека, семью, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины»¹.

Ключевой задачей государственной культурной политики, как следует из приведенного выше определения, выступает поддержка традиционных духовно-нравственных ценностей. Это, собственно, и дает основания отнести культурную политику современной России к инструментам консервативной мобилизации, а не политической модернизации, поскольку конфликт универсалистских ценностей и национальных традиций решается в пользу последних. Хотя в самом перечне этих ценностей специфическим можно считать лишь приоритет духовного над материальным и коллективистскую этику, что противопоставляет российские ценности западному прагматизму и индивидуализму. Все остальные ценности, упомянутые в Стратегии, являются вполне универсальными.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Гарант.ру: информационный портал.

На первый взгляд различия между модернизацией и мобилизацией с точки зрения использования гендерного ресурса не столь уж велики, потому что политическая мобилизация, как и модернизация, ведет к росту политической активности населения, в том числе женского. Однако на самом деле расхождения оказываются весьма существенными, поскольку в первом случае гендерные отношения и их инструментарий — цели, ценности, установки, представления, стереотипы — претерпевают существенные изменения в направлении расширения жизненных возможностей личности, во втором — этого не происходит, более того, апелляция к «позитивному» прошлому выступает средством осуществления консервативной политической мобилизации.

Иначе говоря, модернизация гендерных отношений, понимаемая как переход от традиционных (патриархатных, асимметричных, строго определенных и неизменных отношений господства–подчинения между мужчинами и женщинами) к современным (предполагающим партнерство, симметричность, плюрализм и свободу жизненного выбора) выступает ресурсом изменения политических институтов и структур, поскольку именно это преобразование превращает женщин в полноправных участниц политических процессов, отвечая одной из центральных идей модернизации — расширению круга политических акторов. В случае политической мобилизации, апеллирующей к прошлому, объектность женщин в политических процессах только усиливается.

Не характеризуя специально инструменты государственной культурной политики, которые неплохо проанализированы в научной литературе (см. напр.: [2; 3]), остановимся на ее влиянии на гендерные отношения. Мобилизационные процессы всегда были тесно связаны с активным включением новейших политических технологий, при этом самые современные из коммуникационных механизмов пропагандистского влияния на общественное сознание, используемые «в современных политических процессах (и прежде всего, процессах мобилизационных)», как метко подмечает В. А. Ачкасова, «полностью укладываются в пропагандистские схемы». При этом «для осуществления масштабного, постоянного и интенсивного пропагандистского воздействия на общественное сознание задействуются практически все имеющиеся Интернет-ресурсы» [1, с. 77–80]. Достаточно ярким примером политической мобилизации гендерного ресурса выступает кейс С. И. Куричиной, уже ставший предметом политологического анализа. Нельзя не согласиться с одним из исследователей феномена «Светы из Иваново», профессором О. В. Рябовым, отмечающим, что «в современном мире политическая мобилизация осуществляется по преимуществу не с помощью насилия, а непрямыми методами; будь то использование авторитета политического лидера или эксплуатация мобилизационного потенциала ценностей и символов» [6, с. 130]. Неслучайно представители оппозиционного лагеря стремятся трактовать свои политические отличия от сил, поддерживающих правительственный курс, «как культурные, проявляющиеся в уровне образования, моральных стандартах, воспитанности, гендерных представлениях, отношении к моде и т. д.» [6, с. 127]. Весьма показательна с точки зрения гендерных отношений та уничижительная критика, которой «успешные и образованные» оппозиционеры подвергли «девушку из провинциального города» за ее отсталость, которая проявляется «не только в типе ее фемининности, неспособности следовать „продвинутым“ стандартам женственности, но и в том, какую маскулинность она считает эталонной: „мужчиной мечты“ она назвала Путина» [6, с. 133].

Необразованность, но естественность этой «благородной дикарки» из российского «города невест» получает в интернете как положительную, так и негативную оценки. При этом оппозиционеры, считающие себя носителями модернизационных идей, называя ее «нашисткой», остаются в меньшинстве, тогда как большин-

ство оценивает «народную звезду» как «просто реально глоток свежей воды из колодца народного самосознания. Самосознания примитивного, но доброго, уповающего на царя-батюшку», одну из миллионов, которые «не хотят ни революций, ни войн, ни бунтов, потому и выступают за власть, которая обеспечила их мирным небом над землей и которая позволила им да-да-да... в том числе и „более лучше одеваться“! Классная девчонка эта Света из Иваново. И настоящая!» (цит. по: [6, с. 136]).

Анализ подобного столкновения мнений в Сети позволяет утверждать, что именно такая женщина — преданная властям, готовая подчиняться, необремененная излишним образованием, и при этом — сексуально привлекательная, вполне способна противостоять оппозиционным «модернизаторам». Поскольку в ходе политической мобилизации для «постоянного и интенсивного пропагандистского воздействия на общественное сознание задействуются практически все имеющиеся Интернет-ресурсы» [1, с. 80], то «Света из Иваново» с точки зрения поддержки консервативных ценностей оказывается очень успешным проектом.

Анализируемый кейс — не пример модернизации гендерных отношений, он скорее демонстрирует откат назад, поскольку тип женщин, к которому принадлежит С. И. Курицина, не стремится к конкуренции с мужчинами за позиции, позволяющие принимать ключевые решения, прежде всего — политические. Впрочем, мобилизационная активность «Светы из Иваново» была признана привлечением ее к работе на канале «НТВ».

Казалось бы, полную противоположность С. И. Курициной представляет другой субъект российской политической мобилизации — «символ российского Крыма», самая молодая в истории России женщина, получившая звание генерала — Н. В. Поклонская, героиня песен, комиксов и даже мультфильма. Эта миловидная, спортивная женщина, не желая служить «пришедшим к власти на Украине фашистам», отважилась занять должность генерального прокурора Республики Крым, когда многие мужчины сделать это не рискнули. Опыт государственной службы Поклонской включает не только работу в правоохранительных органах (в том числе и в генпрокуратуре Украины), но и деятельность в высшем законодательном органе России. С осени 2016 г. она обладает мандатом депутата Государственной Думы РФ, где она представляет «Единую Россию» и выступает заместителем председателя комитета нижней палаты Федерального Собрания РФ по безопасности и противодействию коррупции. Одновременно Н. В. Поклонская возглавляет комиссию Госдумы по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Госдумы, а также является членом парламентской комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение обороны России, национальной безопасности и правоохранительной деятельности.

Тем самым Н. В. Поклонская благодаря своей общественно-политической активности получила генеральское звание и вошла в абсолютно мужские сферы деятельности — контроль доходов, финансы, охрану правопорядка и оборону. Являясь почитательницей последнего российского императора, Поклонская инициировала среди православно настроенной общественности кампанию против фильма А. Е. Учителя «Матильда», за признание его экстремистским материалом, поскольку фильм якобы оскорбляет память Николая II и чувства верующих. В результате представители некой общественной организации, прикрываясь православной риторикой, перешли от публичных угроз в адрес авторов фильма к конкретным преследованиям и поджогам автомобилей, а некоторые киносети по соображениям безопасности отказались от проката фильма.

Важнейшие субъекты отечественной государственной культурной политики в этой ситуации однозначно продемонстрировали, что они не собираются под-

держивать самозванных активистов, представляющих себя ревнителями духовно-нравственных ценностей, а на деле — безответственных провокаторов. Министр культуры России В. Р. Мединский назвал подобных распоясавшихся «активистов» «поджигателями» и потребовал от правоохранительных органов «обеспечить соблюдение законности, жестко пресечь давление на государство и кинобизнес»¹. О необходимости принять меры уголовного характера против подобных «борцов за консервативные ценности» вынуждена была заявить и Н. В. Поклонская².

В обоих случаях, сколь бы непохожими они ни казались, предпочтения (в виде работы на одном из центральных каналов телевидения, генеральского звания или депутатского мандата) получают лишь отдельные личности — субъекты консервативной мобилизации. Модернизация гендерных отношений, напротив, расширяет жизненные возможности всех женщин без исключения.

Подобное «запечатывание» ресурса развития общества, связанного с использованием личностного потенциала женщин в публичной сфере, несомненно, выступает ярким свидетельством того, что активизация гендерного ресурса, проводимая государством в последние годы, направлена на политическую мобилизацию, но не модернизацию российского общества.

Более того, в 1990-е годы, когда модернизационные процессы только начинались, в ситуации экономического кризиса и роста мужской безработицы российским женщинам предлагалось не выйти на рынок труда, а уйти с него. Это позволяет некоторым исследователям подобную «модернизацию» экономической роли женщин в нашей стране в конце XX в. называть реэмансипацией. Нельзя не согласиться с Ю. Косяковой и Д. Куракиным, утверждающими, что семейная политика в постсоветский период «была направлена на усиление традиционных образцов семейного уклада и поощряла матерей сидеть дома». Продолжительный «декретный» отпуск на фоне явно недостаточной государственной поддержки уменьшали шансы женщин занять должности в статусных кабинетах, но способствовали их «самоотбору в пользу работ, предполагающих меньше обязательств, усилий и меньше шансов карьерного роста» [5, с. 141]. Подобная архаизация гендерных отношений превращала их в ресурс уже экономической (де)мобилизации на основе консервативных ценностей.

То же самое происходит и в политической сфере. По сравнению с советскими временами женское политическое представительство заметно упало, это особенно остро проявилось в годы, предшествовавшие экономическому кризису 1998 г., а также сразу же вслед за дефолтом «черного августа». Кратковременный успех общественного движения «Женщины России», представители которого были избраны в состав Государственной Думы России первого созыва, заслуживает отдельного исследования. В то же время реального влияния на политическое участие женщин подобный триумф партии Е. Ф. Лаховой и А. А. Федуловой не оказал, особенно на уровне региональных законодательных органов государственной власти. В некоторых субъектах федерации женщины-депутаты вообще отсутствовали: такая картина отличала в 2010 г. Магаданскую областную Думу и Законодательное собрание Пензенской области, в последнем положение дел не изменилось и в 2012 г.³

¹ Цит. по: Беззаконие и цензура: Мединский призвал не потакать противникам фильма «Матильда» // ТАСС. Культура. 2017. 13 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/kultura/4558374> (дата обращения: 14.09.2017).

² Замахина Т. Поклонская: Активист-радикал Калинин задержан по моему запросу // Российская газета: интернет-портал. Власть. 2017. 20 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/09/20/aktivist-radikal-kalinin-zaderzhan-po-zaprosu-poklonskoj.html> (дата обращения: 20.09.2017).

³ Состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации на 1 января 2012 г. // Женщины и мужчины России. 2012:

Тенденция к росту политического представительства женщин отмечается только в последнее время, хотя для того, чтобы приблизиться к показателям советского парламента (25–30%), потребуется немало времени. Конечно, женщины в Верховном Совете СССР, как и сам этот орган, играли больше декоративную роль, но факт их повального «изгнания» из представительных органов государственной власти в ходе постсоветских демократических выборов говорит о торжестве гендерного стереотипа «женщинам не место в политике».

Так или иначе, в России формируется весьма серьезное противоречие между универсалистскими ценностями прав и свобод человека (вне зависимости от пола человека) и традиционалистскими нормами ограничения женской активности частной сферой, что выступает существенным барьером на пути политической модернизации и развития нашей страны.

Литература

1. Ачкасова В. А. Особенности современных пропагандистских методов в мобилизационных процессах // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2015. Т. 1. № 1. С. 77–80.
2. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: понятия и модели. СПб. : Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2011.
3. Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск : ИД Тигра, 2000.
4. Кашина М. А. Использование гендерного ресурса развития как социальная инновация в государственном управлении // Управленческое консультирование. 2013. № 12. С. 84–91.
5. Косыкова Ю., Куракин Д. Имеют ли значение институты? Профессиональная гендерная сегрегация на этапе выхода на рынок труда в советской и постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 5 (88). С. 127–145.
6. Рябов О. В. «Света из Иваново» как зеркало Болотной революции // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 125–147.
7. Соловьев А. И. Государство как производитель политики // Полис. 2016. № 2. С. 90–108.
8. Шабров О. Ф. Политическая модернизация России: точки согласия и дискуссии // Модернизация и политическое развитие России: сб. науч. ст. М., 2012. С. 5–16.

References

1. Achkasova V. A. *Features of modern propaganda methods in mobilization processes* [Osobennosti sovremennykh propagandistskikh metodov v mobilizatsionnykh protsessakh] // *Strategic communications in business and policy* [Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike]. 2015. V. 1. N 1. P. 77–80. (rus)
2. Vostryakov L. E. *State cultural policy: concepts and models* [Gosudarstvennaya kul'turnaya politika: ponyatiya i modeli]. SPb. : NWIM of RANEPА publishing house [Izd-vo SЗИU RANKhiGS], 2011. (rus)
3. Dragichevich-Sheshich M., Stoykovich B. *Culture: management, animation, marketing* [Kul'tura: menedzhment, animatsiya, marketing]. Novosibirsk : Publishing house Tigrа, 2000. (rus)
4. Kashina M. A. *Use of a gender resource of development as a social innovation in public administration* [Ispol'zovanie gendernogo resursa razvitiya kak sotsial'naya innovatsiya v gosudarstvennom upravlenii] // *Administrative consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 12. P. 84–91. (rus)
5. Kosyakova Yu., Kurakin D. *Whether institutes matter? A professional gender segregation at a stage of entry into the market of work in the Soviet and Post-Soviet Russia* [Imeyut li znacheniye instituty? Professional'naya gendernaya segregatsiya na etape vykhoda na rynok truda

стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 263–266. Состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации на 1 января 2010 г. // Женщины и мужчины России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 249–252.

- v sovetskoj i postsovetskoj Rossii] // Journal of Sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2016. V. XIX. N 5 (88). P. 127–145. (rus)
6. Ryabov O.V. “*Sveta from Ivanovo*” as mirror of *Bolotnaya Square of revolution* [«Sveta iz Ivanovo» kak zerkalo Bolotnoi revolyutsii] // Labyrinth. Journal of Social and humanitarian researches [Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii]. 2013. N 5. P. 125–147. (rus)
 7. Solovyov A.I. *State as producer of policy* [Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki] // Political Researches [Polis]. 2016. N 2. P. 90–108. (rus)
 8. Shabrov O.F. *Political modernization of Russia: points of consent and discussion* [Politicheskaya modernizatsiya Rossii: tochki soglasiya i diskussii] // Modernization and political development of Russia: collection of scientific articles [Modernizatsiya i politicheskoe razvitie Rossii]. M., 2012. P. 5–16. (rus)